

Шэнь Минъянь ахнула:

— Ты и вправду жесток — сам себя покалечил?

— Это не я, — покачал головой Пэй Цинъи и объяснил, что произошло.

Минъянь была умна. Пока юноша говорил, она сама связала его слова с тем, что подслушала раньше. Ей не потребовалось дополнительных объяснений — всё и так стало ясно.

— А ты знаешь, что мой брат сегодня пошёл к родителям и заявил, что приведёт того актёришку в дом? Наверное, через несколько дней ты его увидишь. Тогда брат приведёт его к дяде — извиниться и выпросить прощение. Дядя ничего не сможет с ним сделать. Ведь всё свалят на того актёра, который тебя избил. А у тебя нет доказательств, что за ним стоял Юй Ань. Чем это можно подтвердить? Всё так и загложнет.

Разобравшись в ситуации, Минъянь с лёгкой досадой рассудила, будто взрослая:

— Ты ведь понимаешь, что это затрагивает отношения между старшей и третьей ветвями нашей семьи? Даже если дядя захочет за тебя заступиться, как только этот актёришка войдёт в семью, никто не посмеет его тронуть.

— Знаю, — тихо ответил юноша, опустив глаза. Выражение его лица оставалось невозмутимым.

Он уже смирился. Чувство беспомощности преследовало его давно. Сколько бы он ни старался, свалить Юй Аня ему не удастся. Ведь за Юй Анем стоит Шэнь Минкэ. Пока Минкэ любит его, что бы Юй Ань ни вытворял — он останется в безопасности.

Пэй Цинъи лишь хотел, чтобы на этот раз тот хлебнул лиха и пожалел о содеянном. По крайней мере, роль главного героя он уже потерял. Это уже что-то.

Но Минъянь, видя, что он, похоже, не планирует больше ничего предпринимать, забеспокоилась:

— Ты больше ничего не хочешь сделать?

— Что я могу? Ты же сама сказала — твой брат собирается на нём жениться. Разве я могу этому помешать? — спросил Пэй Цинъи.

Минъянь хитро приподняла бровь:

— А может, он и не женится?

...

Пэй Цинъи всегда относился к этой проказнице с лёгким раздражением и снисхождением. Он перестал помешивать благовония медной ложечкой, улыбнулся и спросил:

— И что ты задумала?

— Ты же и сам догадался? Тебе не хочется опускаться до такого, вот пусть плохой человек буду я!

Минъянь устроилась на диване, взяла со стола апельсин и принялась его чистить. Тонкие пальцы сняли кожуру, и в комнате разлился горьковато-свежий аромат. Разделяя дольки,

девушка вдруг спохватилась:

— Но тебя не беспокоит, что это может повредить твоей репутации? В этом доме столько поводов смотреть на человека свысока.

— Репутация? — Пэй Цинъи горько усмехнулся про себя. Её у него давно не осталось. — Говори. Меня и так уже обо всём говорили. Невелика беда.

— Отлично. — Минъянь любила таких умных людей, с которыми не нужно всё объяснять. Достаточно пары намёков — и всё ясно. С дураками она и разговаривать-то не любила.

Она очистила все дольки, тщательно удалила белые волокна, но есть не стала. Вместо этого принялась играть с ними, сжимая в пальцах, пока сок не брызнул ей на руку.

Пэй Цинъи нахмурился, протянул платок:

— Вытри.

Минъянь не взяла платок, а лишь рассмеялась, глядя на раздавленную дольку:

— Ой, тётушка, я уже вся в предвкушении! Не могу дождаться, когда этот актёришка получит по заслугам! Ха-ха... М-м!

Пэй Цинъи с невозмутимым видом сунул ей в рот дольку апельсина:

— Успокойся.

Перед зеркалом в полный рост переодевался стройный юноша с бледной кожей.

На нём была белая рубашка, поверх — светло-голубой вязаный свитер с V-образным вырезом, а внизу — облегающие брюки, подчёркивающие длинные прямые ноги. Обычно золотистые волосы вновь окрасили в смиренный тёмно-каштановый оттенок. Многочисленные серёжки сняли, обнажив маленькие, словно нефритовые, мочки ушей. Теперь он походил на красивую и покорную персидскую кошечку.

Юй Ань примерил перед зеркалом чёрное пальто с металлическими заклёпками, но, вздохнув, отложил его и выбрал бежевое, которое сегодня принёс ему Шэнь Минкэ.

Сегодня ему предстояло отправиться с Минкэ в его семью. Тот сказал, что для обсуждения свадьбы нужно получить согласие родных, поэтому Юй Ань должен выглядеть смиренно — мол, бабушка любит послушных невесток.

Юй Ань, как звезда корейской волны, вёл образ дерзкого и яркого бунтаря. Превратить его в кроткого агнца стоило стилисту немалых усилий.

Но когда он молчал, то напоминал милого и покорного котёнка. Стоило ему заговорить — и всё менялось.

— Да что у вас за правила такие? Совсем как в старину! Нельзя красить волосы, нельзя носить серёжки, каждый день надо являться с поклоном к бабушке с дедушкой... Если бы ты не сказал, я бы подумал, что попал в эпоху Республики!

Юй Ань терпел, пока с ним возились, и слушал Минкэ, целое утро объяснявшего, каких правил надо придерживаться в его доме. Услышав про ежедневные визиты к старшим, он чуть не

взорвался.

Минкэ наблюдал за ним, вздохнул и, надев ему на запястье простые и сдержанные часы, сказал:

— Потерпи. У нас так заведено. Мне тоже не нравится, но ничего не поделаешь.

Его деньги шли из семьи, и, как бы он ни ненавидел эти правила, приходилось возвращаться. Даже выбор спутника жизни должен был получить одобрение старших. Многие завидовали ему — родился с тем, чего другие добиваются всю жизнь. Но только он знал: даже в выборе любимого человека он не свободен.

Минкэ уже несколько лет уговаривал родителей смириться с Юй Анем. Лишь недавно они смягчились и согласились. Пару дней назад он предупредил их, что приведёт Юй Аня домой. Теперь оставалось заручиться согласием бабушки с дедушкой.

Минкэ взглянул на часы. Было семь утра. Они как раз успевали к тому времени, когда все собирались в покоях старых госпожи и господина для утреннего приветствия.

Минкэ решил, что это самый подходящий момент, чтобы представить Юй Аня всем.

Он сам сел за руль и повёз Юй Аня домой.

По дороге Юй Аня позвонила Дай Сюань, напомнив вести себя как следует. Она волновалась — это касалось и её карьеры, — потому не доверяла всё Юй Аню и просила Минкэ присмотреть за ним.

Минкэ, конечно, был рад. Внешне он делал вид, что ему непросто, но внутри ликовал.

Не случись всей этой истории, Юй Ань вряд ли принял бы его предложение. Тот годами держал его в неведении, а теперь сам захотел поехать с ним домой. Минкэ сэкономил уйму времени и чувствовал, что это была удача.

У дома Шэнь их встретили слуги, выстроившиеся в ряд.

Хотя у Юй Аня было несколько ассистентов, такого зрелища он не видел никогда. Когда слуга распахнул перед ним дверь и почтительно произнёс: «Господин Юй, прошу», — он, глядя на бескрайний комплекс вилл, с изумлением и восхищением спросил:

— Минкэ, это твой дом? Я бы подумал, что это достопримечательность.

Минкэ впервые привозил его сюда. Услышав вопрос, он заметил, как слуги сдерживали улыбки.

Будь на месте Юй Аня кто-то другой, Минкэ, возможно, мысленно назвал бы его деревенщиной. Но это был Юй Ань, и он не мог позволить слугам смотреть на него свысока. Минкэ нахмурился и отчитал слугу:

— Какой ещё «господин Юй»? Называйте госпожой!

— Простите, господин, старая госпожа не давала таких указаний. Мы не смеем называть иначе, — ответил слуга.

— Ты...

<http://bllate.org/book/15935/1424426>